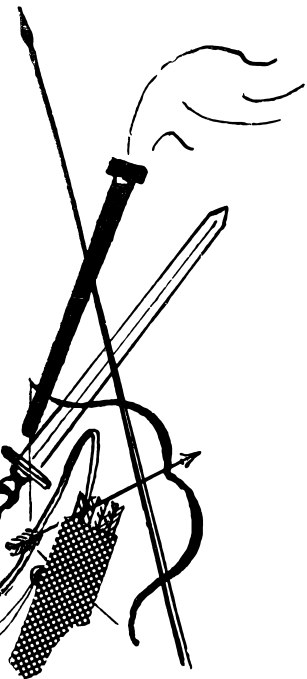

Деревенские

Sacof-

Дерево Свободы

Английская

романтическая

поэзия

в переводах

Игн. Ивановского

*Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения
РСФСР
Ленинград*

1962

И(Англ.)ср.
Д36

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Рисунки В. Зенькович

Народные баллады

Три лесных стрелка

Убили оленя три молодца,
Вилли, Адам и Клим.
За это шериф тугую петлю
Готовил всем троим.

Они из тюрьмы бежали в лес,
Вилли, Клим и Адам.
Назвались братьями три стрелка
И стали мстить господам.

Но горько Вилли тосковал
По детям и жене.
О них он думал целые дни,
А ночью видел во сне.

Пробрался он в родной Карлейль.
Было совсем темно,
Когда постучал лесной стрелок
В знакомое окно.

Ему жена отворила дверь,
Впустила Вилли в дом.
Она не сводила с мужа глаз,
Пока он ел за столом.

Лежала старуха у очага,
Лежала, свернувшись в комок.
Семь лет назад ее Вилли пригрел,
Кормил ее, как мог.

Старуха выползла за дверь
И побежала прочь.
— Вставай, шериф, и Вилли схвати,
Он дома проводит ночь! —

Сто золотых ей дал шериф
За голову врага,
И мигом старуха вернулась домой,
Легла у очага.

Стрелки короля окружили дом,
На шум сбежался народ.
Услышал Вилли лязг мечей
И гул толпы у ворот.

Он первой стрелой попал в судью,
Судья ему был знаком.
И, хоть кольчуга судью спасла,
Свалился судья мешком.

— А ну, соломы! — сказал шериф. —
Хорошего огонька!
Изжарится в доме Вилли стрелок
И три его щенка. —

Дом запылал с четырех углов,
С улицы, со двора.
— Вилли, родной, — сказала жена, —
Прощаться, видно, пора. —

Вилли вязал узлы, узлы,
Вязал простыню к простыне.
На простынях он спустил детей,
Помог спуститься жене.

— Не тронь, шериф, моих сыновей,
Жену не бросай в тюрьму.
За все, что сделал я один,
Мне отвечать одному. —

Пылала крыша, и сруб пылал,
Пылала у дома трава.
Такой был жар, что у Вилли в руках
Лопнула тетива.

Он прыгнул в самую гущу врагов
Из верхнего окна.
Не раз, не два он их разгонял,
Рубился, как сатана.

— Двери и окна, — сказал шериф, —
Бросайте на него! —
Тут и окончился этот бой,
Триста — на одного.

Ему скрутили руки назад,
Его повалили в грязь.
— До завтра, Вилли, — сказал шериф, —
Тебя петля заждалась. —

Наутро чуть свет проснулся судья
В доме своем над рекой.
Поехал виселицу смотреть
На площади городской.

Вертелся на площади мальчуган,
Ко всем пристаивал подряд,
Пока не ответили ему,
Кого сегодня казнят.

Тот мальчуган стерег свиней,
Он был городской свинопас.
Встречался Вилли ему в лесу,
Кормил его не раз.

Все разузнал про казнь мальчуган,
А после был таков.
Он в тот же час в глухом лесу
Нашел отважных стрелков.

Они бежали к стене городской,
Мечи плащами прикрыв,
Но видно было издалека,
Что запер ворота шериф.

Сказал Адам: — Вот чье-то письмо,
С печатями к тому ж,
А всем известно, привратник наш
Не больно ученый муж. —

В ворота ногой ударил Адам,
Еще и еще разок.
Привратник к воротам заковылял
И поглядел в глазок.

— Нельзя, нельзя, — привратник сказал, —
Идите прочь от ворот.
Пока не повесим Вилли-стрелка,
Мы не откроем вход.

— Открой, собака, гонцам короля!
Видишь его печать? —
Загромыхал привратник замком,
Больше не смел ворчать.

Он отпер ворота — и мертвым упал,
Наткнувшись на мечи.
Адам оттащил его к стене
И взял его ключи.

Стояла виселица с петлей
На площади городской,
А рядом с ней красовался судья,
Надменный, важный такой.

И тут же в тележке Вилли лежал,
Связанный по рукам.
Его собрался повесить шериф
На страх лесным стрелкам.

Велел могильщику судья
Снять мерку с молодца,
Чтоб знать, какую могилу копать
После его конца.

— Знаешь, судья, — Вилли сказал, —
Что говорит народ?
Кто роет яму лесному стрелку,
Сам в нее попадет. —

Подняли луки Адам и Клим,
Пустили по стреле,
И через миг судья и шериф
Валялись на земле.

Веревки у Вилли на руках
Разрезал Клим мечом.
Теснили врагов три брата лесных,
Рубясь к плечу плечом.

Хорошие луки были у них,
С шелковой тетивой.
Из тех, кто у виселицы стоял,
Никто не ушел живой.

Очистили площадь от врагов
Лесные силачи,
И вслед шерифовым стрелкам
Адам швырнул ключи.

— Берите обратно ваши ключи!
Тут хватит на всех по ключу.
Я вдоволь привратником послужил
И больше служить не хочу. —

Вилли в сырой тюрьме отыскал
Трех сыновей и жену.
На вольный воздух вывел их
И всех, кто томился в плену.

А названным братьям он сказал:
— Я жизнью обязан вам,
И если вы попадете в беду,
Я этот долг отдам. —

Они вернулись в дремучий лес
И жаркий костер развели.
Так Вилли чуть не повис в петле,
А братья его спасли.

Воды Клайда

— Скорее, мать, спустись во двор
И покорми коня.
Я к милой Маргарет должен успеть
Еще до заката дня.

— Останься, Джонни, мой сынок,
Все небо гроза облегла.
Пока до замка доскачешь ты,
Дорогу скроет мгла.

— Пусть эта ночь темна, темна,
Я поскачу сквозь тьму.
Еще и полночь не пробьет,
Я Маргарет обниму.

— Скачи, мой сын, к любимой своей,
Спеши обнять ее,
Но в водах Клайда тебя найдет
Проклятие мое. —

У берега Клайда конь захрапел,
Сдержал свой резвый бег.
Могли бы воды бурной реки
Умчать пятьсот человек.

— Ты крепко разгневался, старый Клайд
Ты все отрезал пути.
Возьми мою жизнь по дороге назад,
Только сейчас пропусти! —

Его швыряло и вверх, и вниз,
Вперед, и назад, и вбок.
Схватился он за прибрежный куст
И выбрался на песок.

Он к замку Маргарет прискакал,
Спрыгнул с коня у ворот.
Но было темно ее окно
И в башню заперт вход.

— О Маргарет, двери мне открой,
Впусти скорее в дом.
Я в бурном Клайде вымок насквозь,
Стою на ветру под дождем. —

Но глухо слышится ответ:
— Напрасно ты будешь ждать.
Нельзя мне двери отворить,
Не то проснется мать.

— О Маргарет, Маргарет, ночь на дворе,
Угрюмая пора.
Позволь мне хоть в амбаре твоём
Остаться до утра.

— Нельзя мне пустить тебя в амбар,
Он доверху полон зерна.
А дом мой полон спящих гостей,
И башня гостей полна.

— Прощай, о Маргарет, прощай,
Я знал, что близок мой срок,
Хотя, клянусь, такой беды
Придумать я не мог. —

У берега Клайда конь захрапел,
Сдержал усталый бег.
Могли бы бурные воды умчать
Тысячу человек.

По шею в воду конь вошел,
Дрожа как осиповый лист,
И тут у Джонни прямо из рук
Вода умчала хлыст.

Он потянулся за хлыстом,
Нагнулся он с седла,
И Клайда быстрая вода
С собой его унесла.

Его швыряло и вверх, и вниз,
Вперед, и назад, и вбок.
Он долго искал прибрежный куст,
Чтоб выбраться на песок.

Он долго плыл — и пошел на дно,
Под берег крутой унесен. . .
Увидела Маргарет в этот час
Тревожный странный сон.

— Скажи мне, мать, что значит мой сон,
Приснился он отчего?
Мне снилось, что Джонни стоял у ворот
И мы не впустили его.

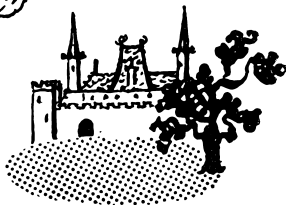
— Спи, Маргарет, спи спокойным сном,
Еще глубокая ночь.
Я Джонни ответила за тебя,
Чтоб он убирался прочь. —

Бежала Маргарет к реке,
Бежала что есть сил.
Чем жалобней Джонни она звала,
Тем яростней ветер выл.

Она ступила в холодный поток,
Волна поднялась до колен.
— Отдай мне Джонни, старый Клайд!
Бери меня взамен! —

Она ступила в холодный поток,
По тудь поднялась волна.
На дне, под берегом крутым,
Его нашла она.

— Пусть наши матери нашу любовь
Преследуют жестоко,
Но рядом, Джонни, мы будем спать
На самом дне потока.

*Белый
голубь
принцессы*

Прекрасной летнею порой
В тени, на холодке,
Принцесса перед замком
Играла на лужке.

Играла перед замком,
Где дуб шумел листвою,
И увидала голубка
На башне угловой.

— Ах, гули, гули, голубок,
Со мною рядом сядь.
В богатой клетке золотой
Ты будешь ворковать. —

Как только нежные слова
Услышал голубок,
К принцессе мигом он слетел
И сел у самых ног.

Она дала ему зерна,
Воды из родника.
С собою в замок унесла
Принцесса голубка.

Вот полночь пробило вдали,
И в башне перед ней
Красивый юноша стоит,
Тростиночки стройней.

— Скажи мне, полуночный гость,
Откуда взялся ты?
Я крепко двери заперла
На круглые болты.

— Ах, тише, тише, милый друг,
Я белый голубь твой.
Сама сманила голубка
Ты с башни угловой.

— А где, скажи, твой отчий дом,
Где родина твоя?
— Мой дом — далекая страна,
Заморские края.

Меня ребенком в голубка
Оборотила мать.
Тебе любовь я отдаю
И жизнь готов отдать. —

Остался в башне голубок,
Два трепетных крыла,
И семь прекрасных сыновей
Принцесса родила.

Но каждый раз, как у нее
Рождался новый сын,
С малюткой голубь улетал,
А прилетал один.

И тихо плакала она
От счастья и тоски.
Но вот приехал гордый принц
Просить ее руки.

Принцесса в башне заперлась,
Не вышла на порог.
Она сказала: — Мне милей
Мой белый голубок. —

Был в ярости король-отец.
Он знать собрал свою
— Не стану я ни пить, ни есть,
Но птицу я убью! —

Ходил по клетке голубок,
Как снег на речке, бел.
Он клювом дверцу отворил,
Вспорхнул и полетел.

Стремглав он вылетел в окно,
Помчался на восток
И в материнском замке сел
На золотой шесток.

— Давно, давно ты не был, сын,
На нашем берегу.
Скажи мне, в чем твоя печаль,
Тебе я помогу.

— О, если хочешь мне помочь,
Как самый лучший друг,
Ты в аистов преобрази
Двенадцать верных слуг,

И в белоснежных лебедей
Детей обороти,
И сделай соколом меня,
Испытанным в пути. —

Летели птицы, как стрела,
Над бурною волной.
Они у замка на дубах
Расселись по одной.

Веселый смех и голоса
Звучали из бойниц,
Как вдруг на шумный брачный пир
Ворвалась стая птиц.

Раздался плеск могучих крыл,
И был он словно гром,
И в страхе гости и жених
Укрылись под столом.

Но вот опомнился жених.
Глядит — невесты нет.
И молча вся толпа гостей
Смотрела птицам вслед.

Была невеста далеко,
Над бездной темных вод.
Семь белоснежных лебедей
Несли ее вперед.

Буль-буль-буль...

Священник под вечер заехал в село,
Отведал перцовой и тминной,
И к полночи еле уселся в седло
Спиной к голове лошадиной.

— Куда подевалась твоя голова,
Чтоб черт подцепил ее вилкой!
И как без нее ты осталась жива,
Пока я сидел за бутылкой,
Которая булькает буль-буль-буль! —

Собравшись скакать по дороге прямой,
Он лошадь хлестнул для порядка.
Но вместо того, чтобы мчаться домой,
К реке поскакала лошадка.

— А право, я мог бы догнать скакуна
С моей безголовой кобылкой.
Теперь и овса не объестся она,
Пока я сижу за бутылкой,
Которая булькает буль-буль-буль! —

Напившись, лошадка поела травы.
Священник подумал: «Не худо!
Нетрудно скакать, если нет головы,
Но пить через хвост — это чудо». —
И тут он свалился на груды камней
И с каменной жесткой подстилки
Сказал: — Голова! Я лежу перед ней!
Найди-ка ее без бутылки,
Которая булькает буль-буль-буль!..

Роберт Бёрнс

Крестьянский парень

Крестьянский парень небогат,
Но честен с малых лет.
На нем короткие чулки
И голубой берет.

В плечах широк, собой хорош
Крестьянский ладный парень.
Хоть всех парней переберешь,
Он самый лучший парень.

Домой он с пахоты придет,
Все мокрое на теле.
Переоденься, мой родной,
И отдохни в постели.

Ему стираю я белье,
Ему латаю платье.
Ему дарю я поцелуй
И крепкие объятья.

Не знала я, где он живет,
Какое поле пашет.
Но раз на празднике, гляжу —
Красивый парень пляшет.

На парне белые чулки,
Серебряные пряжки.
У парня ясные глаза
И смелые замашки.

Меня он нежно полюбил,
Уговорил жениться.
Растет у нас густой ячмень,
Высокая пшеница.

В плечах широк, собой хорош
Крестьянский ладный парень.
Хоть всех парней переберешь,
Он самый лучший парень.

Логан Брас

Я сердце Вилли отдала,
И Логан тек ясней стекла,
И потекли с тех пор года
Быстрее, чем Логана вода.
А нынче между берегов
Течет он, как зима, суров,
И Вилли далеко от нас.
Он на войне, о Логан Брас!

Подруга певчего дрозда
Не поднимается с гнезда,
И дрозд для будущих птенцов
Поет, как дюжина певцов.

А я одна детей ращу,
Одна тужусь, одна грущу,
И слезы катятся из глаз,
Когда гляжу на Логан Брас.

Проклятье племени господ,
Народ поднявших на народ!
Пусть слезы горестных ночей
Зальют, утопят богачей.
Как только может их душа
Отнять отца у малыша!
Скорей бы жар войны погас
И мир пришел на Логан Брас.

*Жалоба
шотландской вдовы*

Пришла я с гор еще вчера,
Ох, ох, сыночек, ох.
Плоха я стала и стара,
И кошелек мой плох.

А были, были времена,
Ох, ох, сыночек, ох.
В любой работе я одна
Перегоняла трех.

Была корова у меня,
Ох, ох, сыночек, ох.

В горах, бубенчиком звеня,
Она топтала мох.

Овец держали мы стада,
Ох, ох, сыночек, ох.
Не подбирала я тогда
Чужих постылых крох.

У нас, шотландцев, трусость — грех,
Немало смелых душ,
А Дональд был смелее всех,
И это был мой муж.

Вот, слышим, Стюарт двинул рать,
Шотландия жива!
Ушел мой Дональд защищать
Шотландские права.

И вместе с родиной своей
Мой Дональд пал в бою.
С тех пор одна среди людей
Я вдовья слезы лью.

Ох, ох, не мил мне белый свет,
Родимые края,
И женщины на свете нет
Несчастнее, чем я.

*Любовь —
как роза красная...*

Любовь — как роза красная,
Что летом расцвела,
Как песенка далекая,
Что так нежна была.

Недаром красоте твоей
Моя любовь равна.
Пока не высохнут моря,
Не кончится она.

Пока не высохнут моря,
Не сдвинется скала.
Поверь, останется любовь
Такой же, как была.

Прощай, прощай, любовь моя,
Я путь к тебе найду,
Пускай хоть десять тысяч миль
По свету я пройду.

Пегги Монтгомери

Меня в полях застала мгла
На этом нищенском ночлеге.
О если б ты со мной была,
Любовь моя, родная Пегги.

Зима нам шлет свои дожди,
Все тонет в холоде и снеге.
Но в стужу на моей груди
Согрел бы я родную Пегги.

Будь я богатый знатный лорд,
Живи я в роскоши и неге,
Одним, одним я был бы горд. —
Все разделить с любимой Пегги.

Эпитафия

Прочти короткий мой рассказ.
Правдив его язык, брат.
Великих много ли меж нас?
А Метью был велик, брат.

Коль ты имеешь тьму заслуг,
А награжден пинком, брат,
То здесь лежит твой лучший друг:
Был Метью бедняком, брат.

Коль твой удел — солдатский хлеб
И дым пороховой, брат,

Пусть вам построят общий склеп:
Наш Метью был герой, брат.

Коль ты соседа невзначай
На ум наставить мог, брат,
Хвалу покойному воздай:
Наш Метью был пророк, брат.

Коль ты друзей спасал не раз
От разных передряг, брат,
Такой же светоч здесь угас:
Наш Метью был добряк, брат.

Коль нет на совести твоей
И тучки небольшой, брат,
Ты с ним сошелся бы, ей-ей:
Был Метью чист душой, брат.

Коль ты породю из тех,
Кто любит винный дух, брат,
За ним водился тот же грех:
Наш Метью был питух, брат.

А если Метью кто-нибудь
Не ставит ни во грош, брат,
Тому бы голову свернуть!
Был Метью всем хорош, брат.

Теленок

И будут расти и тучнеть,
как ТЕЛЬЦЫ в хлеву.

Проповедь

Прекрасный текст! Вы правы, сэр,
К стыду еретиков.

Да вы и сами нам пример,
Тучнейший из телков.

Дай побогаче вам приход,
Тогда наверняка
Вас очень скоро развезет
В солидного бычка.

Но если небо наконец
Пошлет вам счастья миг,
Не дай вам бог, святой отец,
Чтоб в вас проснулся бык.

Делите с милой пополам
Ваш дом, поля, луга.
Пускай она наставит вам
Добротные рога.

А если вы войдете в раж,
То, слыша грозный рев,
Мы будем знать, что пастырь наш
По-прежнему здоров.

И в час прощанья даже те,
Кто знал быков почище,
На вашей высекут плите:
«Вот это был бычище!»

Вильям Вордсворт

Люси Грей

Не раз я видел Люси Грей
В задумчивой глуши,
Где только шорохи ветвей,
И зной, и ни души.

Никто ей другом быть не мог
Среди глухих болот.
Никто не знал, какой цветок
В лесном краю растет.

В лесу встречаю я дрозда
И зайца на лугу,
Но милой Люси никогда
Я встретить не смогу.

— Эй, Люси, где-то наша мать,
Не сбилась бы с пути.
Возьми фонарь, ступай встречать,
Стемнеет — посвети.

— Отец, я справлюсь дотемна,
Всего-то три часа.
Еще едва-едва луна
Взошла на небеса.

— Иди, да только не забудь,
Мы к ночи бурю ждем. —
И Люси смело вышла в путь
Со старым фонарем.

Стройна, проворна и легка,
Как козочка в горах,
Она ударом башмака
Взметала снежный прах.

Потом спустился полог тьмы,
Завыло, замело.
Взбиралась Люси на холмы,
Но не пришла в село.

Напрасно звал отец-старик.
Из темноты в ответ
Не долетал ни плач, ни крик
И не маячил свет.

А поутру с немой тоской
Смотрели старики
На мост, черневший над рекой,
На ветлы у реки.

Отец промолвил: — От беды.
Ни ставней, ни замков. —
И вдруг заметил он следы.
Знакомых башмаков.

Следы ведут на косогор,
Отчетливо видны,
Через проломанный забор
И дальше вдоль стены.

Отец и мать спешат вперед,
До пояса в снегу.
Следы идут, идут — и вот
Они на берегу.

На сваях ледяной нарост,
Вода стремится свой бег.
Следы пересекают мост...
А дальше чистый снег.

Но до сих пор передают,
Что Люси Грей жива,
Что и теперь ее приют —
Лесные острова.

Она болотом и леском
Петляет наугад,
Поет печальным голоском
И не глядит назад.

Написанное в марте

Петух ликует,
Ручей воркует,
Щебечут птицы,
Вода искрится,
Земля ожидает зерна.

И старый, и малый
Бредет усталый.
На травке новой
Пасутся коровы,
Все тридцать жуют как одна.

Снегов остатки
Бегут в беспорядке,

И гибнет зима
На вершине холма,
И пахаря песня слышна, слышна.

В горах высоких
Звенят потоки.
А дождь как не был,
Синеет небо,
И тучи уносит весна.

Одинокая жница

Ты слышишь голос там, во ржи,
Шотландской девушки простой?
Но, чтобы песню не спугнуть,
Ты долго здесь не стой.
И жнет, и вяжет — все одна,
И песня долгая грустна,
И в тишине звучит напев,
Глухой долиной завладев.
Так аравийский соловей
В тени оазиса поет,
И об усталости своей
Не помнит пешеход.

Так возвещает о весне
Кукушки оклик, нежный зов
В пустынной дальней стороне
Гебридских островов.

О чем же девушка поет,
Все заунывней и грустней?
О черных днях былых невзгод,
О битвах прежних дней,
Старинной песней хороня
Невзгоды нынешнего дня.
А может, боль былых утрат
Пришла непрошенной назад?
Но песне не было конца,
И жница молодая
Все пела, пела, над серпом
Спины не разгибая.
Я молча слушал, а потом
Нашел тропинку за холмом.
Все дальше в горы я спешу
И в сердце песню уношу.

Вальтер Скотт

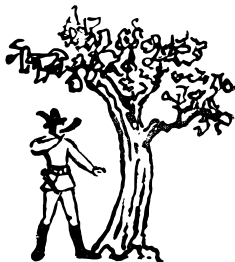
Торжество Брюса

Отцовский замок занял Брюс.
— Мужает в битвах наш союз!
Идем, друзья, идем,
Я всех зову на пир ко мне,
Подпaska с лордом наравне,
Прославленным вождем
Мой старый замок! Здесь в углу
На этом каменном полу
Я сделал первый шаг.

Я рос и креп из года в год,
Играл и прыгал без забот,
И откликался гулкий свод
На лай моих собак
Хвала друзьям моим, хвала! —
Но тут он встал из-за стола,
Суровым взглядом зал обвел
И молча бросил меч на стол.
И меч дымился, с двух сторон
Английской кровью обагрен.

— Несите кубки! — Брюс сказал —
Пускай они обходят зал,
И трижды **пьет** из кубка тот,
Кто за Шотландию встает,
Кому и жизнь недорога,
Пока страна в руках врага
Но если кто-нибудь из нас
Кривит душою в этот час,
Клеймо предателя, позор
Ему да будет приговор
Недолгий пир затеял я,
Так будем веселы, друзья.

За бурей буря мчится вслед,
И тем отраднее просвет.
Мы славно начали поход,
Но трудный путь шотландцев ждет.
Пошлем гонцов по всей стране,
И пусть друзья спешат ко мне,
Звенят кольчуги, блещет сталь,
И выступает Тевьотдаль,
И Этрик шлет своих стрелков,
Неутомимых смельчаков,
И за Ридсвейр гонцы летят
В туманный край, седой Кейп-Рат,
И эхом вторит лес и дол:
Проснулся Северный Орел!

Аллен Э-Дейл

У Аллена дров — ни полена, ни палки,
Ни пашни для плуга, ни шерсти для прялки.
Но есть у него, непонятно откуда,
Червонного золота звонкая грудa.
Об Аллене храбром я песню спою,
А вы разгадайте загадку мою.

Барон Равенсворт с каждым годом надменней,
Он взглядом своих не охватит владений.
Барону олени нужны для забавы,
Прирученным — парки, а диким — дубравы.
Но Аллен свободней, чем дикий олень,
Что скачет в дубраве, приветствуя день.

Хоть нет у него ни герба, ни короны,
И с ним не спешат породниться бароны,
Две дюжины братьев по первому рогу
Сбегутся из леса к нему на подмогу,
А если с ним встретится гордый барон,
То Аллену в землю поклонится он.

Посватался Аллен, пришелся по нраву,
Но любит родня и богатство, и славу.
— Барон не нахвалится крепостью горной,
Но трижды прекрасней мой замок просторный.
Мой кров — небосвод, и плывут надо мной
Блестящие звезды за бледной луной. —

Родня оказалась упрямее стали,
И гостя обратно ни с чем отослали.
А утром весь дом был угрюм и печален:
Недаром девчонке подмигивал Аллен!
Она ускакала — лови, не лови —
Послушать, как Аллен поет о любви.

Джордж Байрон

Сонет к Шильонскому замку

Бессмертный светоч вольного ума,
Ты ярче, о великая свобода,
Горишь в сердцах защитников народа,
Когда вокруг угрюмая тюрьма.

Страдания в темноте сырого свода
Отечество спасают от ярма,
И вольность пробуждается сама,
И все поет весну ее прихода.

Шильон! Навек ты славу приобрел.
Здесь Бонивар страдал во мраке черном.
Его шагами выбит этот пол —

Как будто камни были мягким дерном.
Храните их! Ведь это произвол
Навеки заклейте клеймом позорным.

Стансы

Погибает свобода в отчизне твоей,
Но соседи сражаются пылко.
Вспомни мужество римлян и бейся смелей,
Не жалея ни лба, ни затылка.

Мир запомнит, что ты угнетенным помог,
Он, конечно, героя прославит.
И тебя увенчает лавровый венок,
Если прежде петля не удавит.

*Не бродить мне
ночью с нею*

Не бродить мне ночью с нею
В тишине полей,
Хоть любовь зовет сильнее
И луна горит светлей.

Но клинок ножны износит,
А душа износит грудь.
Вот и сердце тихо просит
От блаженства отдохнуть.

Хоть любовь зовет сильнее
В этот поздний час ночной,
Не бродить мне ночью с нею
В поле под луной.

Ты плачешь

Ты плачешь — светлая слеза
Сверкает синевой,
Как будто падает роса
С фиалки полевой.
Ты улыбнулась — вспыхнул взгляд,
И столько света в нем,
Что и сапфиры не горят
Таким живым огнем.

Уходит солнце на покой,
Но, в облаках горя,
Все так же спорит с темнотой
Вечерняя заря.

Не так ли чистый облик твой
Улыбкою дарит,
И долго свет ее живой
В душе моей горит.

Эпитафия

**Джозефа Блекета,
покойного поэта и сапожника**

Здесь дремлет мастер, о прохожий,
Тончайшей мысли, толстой кожи.
Бедняга Джонни был таков,
Он не износит башмаков.
И так, и этак он строчил,
Покуда здесь не опочил.
Ступай потише, милый друг:
Кто подобьет тебе каблук?
Почтим у гробовой доски
Его стишки, его стежки.

Мир помянет его добром,
Владел он шилом, как пером,
Кроил из кожи все, что мог,
Из кожи лез, кроя стишок.
Чернил он обувь многим людям,
Но мы чернить его не будем.

Прощание с Мальтой

Прощай, о крепость Ла-Валет,
Сирокко, пот и солнца свет,
Дворец безлюдный и дома,
Где рисковал я без ума,
Крутые улицы-ступеньки, —
Хоть становись на четвереньки, —
Купцы с привычкой разоряться,
Толпа, в которой все бранятся,
Суда без почты долгожданной
И дураки с гримасой странной.
Прощай, проклятый карантин,
Что мне принес болезнь и сплин.
Прощай, театр, где мы зевали,
Пока на сцене танцевали,

И Питер, что фигурам вальса
Учить полковника пытался.
Прощай, напыщенность манер
И выправка „en militaire“,
И форма красная (над ней
Торчит лицо еще красней).
Спешу — зачем, не знаю сам —
К далеким серым небесам,
Где, если ты себе не лжешь,
Мир по-другому нехорош.

Прощайте, баловни молвы,
Сыны безбрежной синевы!
От этих знойных берегов
Вы прочь отбросили врагов.
Балы, гулянья и обеды —
Дань вашей славе, дань победы,
И дар моей болтливой музыки
Да не составит вам обузы.

Здесь миссис Фрейзер я знавал. . .
Вы ждете, может быть, похвал —
Что ж, если б я уверен был,
Что стоит похвала чернил,

Две-три строки не труд, по чести,
Когда не нужно даже лести.
Но право, ей, что так мила,
Пристала лучшая хвала.
Полны сердечной чистоты
И непритворной простоты,
Ее часы легко бегут,
И петь ее — излишний труд.

О Мальта, Мальта, я твой данник.
Тебе, воинственный предбанник,
Без лишних слов второго сорта
Не посулю я даже чорта.
Стою, смотрю и не пойму:
Ты существуешь, но к чему?
И не решив, иду опять
Читать роман, стишки кропать,
Глотать микстуру понемножку
(Раз в полчаса большую ложку),
И приступ мой, надев колпак,
Пережидаю кое-как.

Перси Шелли

Ода,

написанная в 1819 году, перед тем
как испанцы вернули себе свободу

Вперед, вперед, вперед!
Тиран торжествует в стране отцов.
Пусть кровь из ран течет —
Это слезы кропят мертвецов, мертвецов.
Народ, что дороже, чем кровь твоя!
Но казнены твои сыновья
И жаждут мести родные края.

Вставайте, вставайте, вставайте!
Раб и тиран — близнецы-враги.
Цепи друг другу сбивайте,
Пусть мертвые слышат восставших шаги.
Пусть кости их шевельнутся в гробу,
Когда на земле вы начнете борьбу
И сами решите свою судьбу.

Выше, выше знамя!
Резвые кони Свободу везут.
Под ее крылами
Два вечных спутника — Голод и Труд.
Друзья, отпрягите гордых коней
И колесницу катите дружной.
Вы дети Свободы — вперед, за ней!

Слава, слава, слава
Тем, кто сражался и пал в бою!
Нет прекрасней права
Жизнь отдать за отчизну свою.
Завоеватель в кровавой войне
Счастья не ищет ничьей стороне.
Освободитель выше вдвойне.

Чествуйте героя!
Из хвои зеленой несите венки.
Кровь и шрамы боя
Прикроют фиалки, влажны, легки,
Как будто огонь утонул в воде.
И только плюща не будет нигде:
Нельзя забыть о народной беде!

Англичанам

Англичане, вы по праву
Унаследовали славу,
Вы — надежда, гордость, сила
Той страны, что вас растила.

Встаньте яростными львами!
Господа не сладят с вами.
Ночь исчезнет, день придет,
Навсегда ярмо спадет.
Их — немного, вы — народ!

Вечер

Погасло солнце. Птицы присмирели.
Нетопыри расправили крыла.
Выносят жабы из укромной щели
Свои сырые мягкие тела,
И вечер, опускаясь над рекою,
Не всколыхнет раздумья и покоя.

Трава — и та не смочена росой.
Ни капли влаги в листьях молчаливых.
Стихает ветер, легкий и сухой,
Но временами слабые порывы
Колеблют тишину над головой
И крутят сор на пыльной мостовой.

Над слящим солнцем, в бездну погруженным,
Громады туч легли на небосвод,
Подобные горам нагроможденным,
Но медленно ползущие вперед.
А там, над ними, в синеве высокой,
Звезда ночная блещет одиноко.

Джон Китс

Песня о себе самом

Жил мальчик озорной.
Бродить ему хотелось.
Вздохнув, он шел домой,
А дома не сиделось.
Взял книгу он,
Полную
Строчек
И точек,

Взял пару
Сорочек.
Не взял он
Колпак:
Ведь можно
И так.
В мешок —
Гребешок,
И носки в порядке —
Без дырки на пятке.
Мешок он надел
И вокруг поглядел,
На север,
На север
Побрел наугад,
На север
Побрел наугад.

Мальчишка озорной
Ничем не занимался.
Поэзией одной
Все время баловался.
Перо очинил
Вот такое!

И банку чернил
Прижимая
Рукою,
И еле дыша,
Помчался,
Спеша
К ручьям,
И холмам,
И столбам
Придорожным,
Канavam,
Могилам,
Чертям
Всевозможным.
К перу он прирос
И только в мороз
Теплей укрывался:
Подагры боялся.
А летом зато
Писал без пальто,
Писал — удивлялся,
Что все не хотят

На север,
На север

Брести наугад,
На север
Брести наугад.

Мальчишка озорной
Шатался как придется
Шотландской стороной.
Смотрел, как там живет.

Увидел, что стебель
Растет из зерна,
Что длина
Не короче,
Не громче
Поют,
Что и тут
Те же вишни,
Нет лишнего
Хлеба,
И небо
Похоже,
И тоже
Из дерева
Двери —
Как в Англии!

И тогда он застыл,
Изумленный,
На месте застыл,
Изумленный!

Строки из письма

Здесь незаметно бегут вечера.
Налево гора,
Направо гора,
Река и речной песок.
Можно сесть
И со сливками съесть
Теплого хлеба кусок.

Один ручей
И другой ручей
Вращает колеса храбро.
В ручье лосось,
Чем пришлось,
Откармливает жабры.

Здесь дикий бор
И великий простор
Для охоты, пастьбы и порубки,
И у всех дорог
Золотистый дрок
Цепляется за юбки.

Бор высок,
В бору голосок
Нежно зовет кого-то,
А в поздний час
Веселье и пляс
На ровном лужке у болота.

Куда ни взгляни,
Кусты да плетни,
Дроздам недурная квартира.
Осиный дом —
В обрыве крутом,
Чтоб не было слишком сыро.

Ах и ах!
Маргаритки во рвах!
Примул раскрылись кубки!

Тронешь бутон,
И навстречу он
Протягивает губки.

Я даром отдам
Всех лондонских дам
И критиков-сморчков,
Чтобы здесь на лугу
Валяться в стогу
И спугивать пестрых сверчков.

Томас Мур

Певец-мальчишка

Певец-мальчишка шел на бой,
И горд, и счастлив был он.
Отцовский меч он взял с собой,
И арфу не забыл он.

— Отчизна песен! Черен год,
Измена миром правит.
Но мой клинок тебя спасет,
Струна моя прославит! —

Мальчишка ранен был в бою.
В цепях не унывал он.
Взял арфу дикую свою
И струны разорвал он.

— Пускай томишься ты в плену,
Тебя не побороли.
Ты пела вольную страну,
Так замолчи в неволе!

Народные песни

Чарли мой любимый

Едва родился этот год,
Весеннею порой
Мой милый друг ушел в поход,
Отважный мой герой.

Волынки нас бросали в дрожь
Воинственной игрой,
И все смотрели, как хорош
Отважный мой герой.

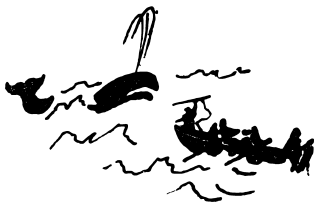
Чарли мой любимый, любимый, любимый,
Чарли мой любимый, отважный мой герой.

На нем шотландский наш берет;
Ведет он грозный строй.
Врагу мечом он даст ответ,
Отважный мой герой.

Не время другу моему
Лежать в земле сырой.
Он бьется в пламени, в дыму,
Отважный мой герой.

Чарли мой любимый, любимый, любимый,
Чарли мой любимый, отважный мой герой.

Гренландские китобои

С трубой в руке капитан стоит,
Глаза его, как лед.
— Спускайте шлюпку, справа по носу кит!
Все на весла — и вперед, друзья,
Все на весла — и вперед! —

Гарпун свистит, и бежит канат,
Молотит кит хвостом,
И тонут трое наших лучших ребят,
И ныряют за китом, друзья,
И ныряют за китом.

С трубой в руке капитан стоит,
Жалеет он кита.

А тех матросов, что убил этот кит,
Не жалеет ни черта, друзья,
Не жалеет ни черта.

Гренландский край — нелюдимый край,
Там зелень не растет,
Снега и льдины, хоть совсем пропадай,
И морозы круглый год, друзья,
И морозы круглый год.

***Я ветреной
девчонкой была***

Я ветреной девчонкой была,
Я пела веселее щегла,
А нынче моя песня горька,
Стала я женой соседа-бедняка.

Качаю колыбель дотемна,
Весь свет мне заслонила она,
А к вечеру немеет рука,
Стала я женой соседа-бедняка.

В ботинки натекает вода,
Мне нечего надеть в холода,
Я сытного не знаю куска,
Стала я женой соседа-бедняка.

Русалка

Мы плыли в море день за днем
При свежем ветерке.
Увидали, как во сне, мы русалку на волне,
С гребешком и ясным зеркальцем в руке.

Сказал наш старый капитан,
Качая головой:
— Пусть не ждет меня жена, будет жить она
одна,
Суждено ей этой ночью стать вдовой. —

Ответил юнга молодой:
— Томит меня тоска,
У меня седая мать, видно, горько ей рыдать,
Из-за моря не дожждаться ей сына. —

У нас у всех одна судьба,
Мы крепко спим на дне.
Даже полная луна нам отсюда не видна
В этой темной и холодной глубине.

Серебряный парус

Я в роще бродила сама не своя,
Я в роще бродила сама не своя,
Печально глядела, печально глядела,
Печально глядела на волны ручья.

Ах, было нас двое, теперь я одна,
Ах, было нас двое, теперь я одна,
Любил он — лукавил, уехал — оставил,
Уехал — оставил на все времена.

Всю ночь до рассвета лежу я в тоске,
Всю ночь до рассвета лежу я в тоске,
И слезы ручьями, и слезы ручьями,
И слезы ручьями текут по щеке.

Поставлю я парус серебряный мой,
Поставлю я парус серебряный мой,
Пусть милый рыдает, пускай ожидает,
Пускай ожидает подругу домой.

Море

Мой милый в бушующем море,
На синей студеной волне.
Мой милый в бушующем море,
Пускай он вернется ко мне.

Море, море,
Пускай он вернется ко мне, ко мне!
Море, море,
Пускай он вернется ко мне!

Летите, весенние ветры,
Навстречу студеной волне,
Скажите, весенние ветры,
Пускай он вернется ко мне.

Не спится мне темною ночью,
А если засну я с тоской,
Все снится мне темною ночью,
Что товет он в бездне морской.

Умчались весенние ветры
Навстречу студеной волне,
Вернулись весенние ветры,
И милый вернулся ко мне.

Море, море,
Мой милый вернулся ко мне, ко мне!
Море, море,
Мой милый вернулся ко мне!

Корзинка яиц

Утром спозаранку встретил я крестьянку,
Крестьянку встретил я в лесу.

— У вас корзинка, видно, с рынка,
А ну, давайте, поднесу.

— Там лежат яички из-под птички,
Сударь, вы им воздайте честь.

Лучше угоститься, чем так поститься,
Берите даром все, что есть. —

В маленькой деревне сели мы в харчевне,
За столик сели у дверей.

— Привет, хозяйка, выпить дай-ка,
Да жарь яичницу скорей. —

И пошли тут шутки, прибаутки,
Всех я смешил и пел шутя.
Слышу вдруг — заминка: пищит корзинка!
Открыл ее, а там дитя.

— Помнишь ли о Пегги, о дожде и снеге,
О том, как вел меня домой?
Мы в этом зале танцевали,
А вот ребенок твой и мой.
— Я теперь узнаю, дорогая,
Это лицо из сотни лиц.
Выпью я с любовью твое здоровье,
Но больше я не ем яиц.

Холодная роса

Был хорошим я ткачом, не грустил я ни о чем,
Холостяк из холостяков.

А с девчонкой был несмел и шептать ей не умел
Этих самых пустяков.

Мы встречали вместе ранний час

И поздние часы,

Но, куда девалась прыть, я не смел ее укрыть
От холодной, от ночной росы.

Ночь осенняя была, и ко мне она пришла

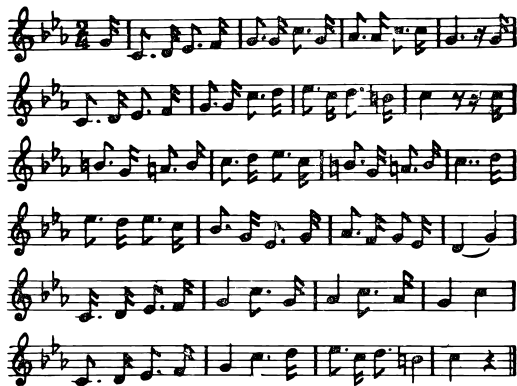
Самой поздней глухой порой.

Выла буря за окном, все ходило ходуном,

Выползал туман сырой.

Ноты

Чарли мой любимый.

Гренландские китобои.

Я ветреной девчонкой была.

Русалка.

Серебряный парус.

Mope.

Корзинка лиц.

Холодная роса.

Дерево Свободы

Стихи, вошедшие в состав этого сборника, написаны различными английскими поэтами начала XIX века.

Поколение поэтов, пришедшее в литературу на рубеже двух столетий, росло и формировалось в обстановке великих революционных потрясений. Многие из них были еще детьми и подростками, когда во Франции — соседней с Англией державе — разразилась буржуазная

революция. На их глазах развернулась грозная летопись революционных событий. Падение Бастилии, казнь короля и королевы, массовое уничтожение дворянства и аристократии — таковы были вехи движения истории, определившие впечатления их детских и юношеских лет.

Будущие поэты росли в атмосфере радостных надежд и героических мечтаний. Вместе со всеми передовыми людьми мира они верили в то, что уничтожение феодализма откроет человечеству путь в царство свободы и справедливости.

Но французская революция не сдержала своих обещаний. Великие слова «свобода», «равенство» и «братство», начертанные на ее знаменах, не претворились в жизнь. Буржуазное общество, возникшее на развалинах феодальной монархии, несло народам новые цепи. В холодном жестоким мире корысти и расчета народные массы

были снова закрепощены и их новые порабителы — капиталисты, банкиры, фабриканты — были ничем не лучше прежних — феодальных рыцарей и баронов.

Начало XIX века прошло под знаком тяжких бедствий, обрушившихся на народы Европы. На заре нового столетия, по воле диктатора Франции Наполеона Бонапарта, человечество было вовлечено в серию кровавых, опустошительных войн.

После падения Наполеона (1815) властителем народных судеб стал реакционный Тройственный союз, безжалостно искоренявший все завоевания революции.

Но в подавленном и порабощенном народе еще жил дух протеста и сопротивления. Искра революции продолжала тлеть, зажигая пожары в разных концах земного шара. В угнетенных странах Европы то и дело вспыхивали мятежи и восстания. Широкой волной по ним раз-

ливалось национально-освободительное движение.

Эти вспышки народного гнева служили путеводной звездой для передовых людей европейского общества. Они поддерживали в них веру в победоносный исход великой освободительной борьбы угнетенного человечества.

В атмосфере смутных надежд и горьких разочарований и родилось то поэтическое движение, которое принято называть романтизмом. В нем воплотились искания передовых людей XIX века, их освободительные порывы и неясные мечты о светлой и радостной жизни.

В Англии движение романтиков приобрело широкий размах. И это было не случайно.

В Британском королевстве, сильнейшей буржуазной стране XIX века, капиталистический гнет был особенно тяжким и беспощадным.

Поэты, жившие в этой суровой стране, поразному относились к ее общественному строю.

Люди разных политических взглядов, они расходились друг с другом по многим существенным и жизненно важным вопросам.

Было время, когда поток революционных идей, стремившийся из Франции, втянул их в свое русло.

Но не все они выдержали суровое испытание, которому их подвергла история. И если лучшие из них (Байрон, Шелли) сохранили верность революционным идеалам, то другие (Вордсворт), испуганные якобинским террором отреклись от былых «заблуждений». Но сколь бы ни были различны дороги английских романтиков, иногда они пересекались.

Главной точкой пересечения их творческих устремлений был общий для них всех интерес к народу и народному творчеству. В свете великих событий конца XVIII века народ предстал перед ними как великая «загадка», и они пытались ее понять.

Разные побуждения влекли их к народной поэзии: одни искали в ней образцов героики и мужества, другие — свежести чувств, яркости красок, правдивости мыслей, и каждый, кто прикасался к этой сокровищнице, находил в ней то, что искал.

Еще в 1765 году епископ Перси издал книгу баллад, в которой собрал лучшие произведения английского и шотландского фольклора.

Эта книга раскрыла перед читателем неведомый, поэтически-прекрасный мир. В нем обитали новые герои — крестьяне, солдаты, ремесленники.

При всей своей бедности и незнатности происхождения, они могли служить для богатых и сильных примером подлинного благородства и великодушия. Неподкупные и бескорыстные, они не торгуют чувствами и в борьбе с угнетателями, стоя плечом к плечу, с братской любовью и самоотверженностью помогают друг другу.

Еще шире распахнулась дверь в мир народной жизни, когда в литературу пришел замечательный шотландский поэт — Роберт Бёрнс (1759—1796).

Шотландский фермер, родившийся и умерший в бедной крестьянской избе, он знал народный быт не понаслышке, а на основе всего своего жизненного опыта. Его стихи создавались не за письменным столом в четырех стенах уютного кабинета. Они рождались на полях Шотландии за плугом и сохой.

Устами великого народного поэта говорил сам народ, рассказывая о своих горестях и радостях, трудовых буднях и редких праздниках.

Поэт, изведавший всю глубину народного горя, страстно ненавидел притеснителей народа. Любовь к свободе была естественной стихией его творчества, и его буйная, задорная поэзия звучала как эхо революционных громов.

„Скликает всех своих сынов
Свобода молодая.
Они идут на бранный зов,
Отвагою пылая“, —

писал Бёрнс в своем стихотворении «Дерево свободы».

В этих строках знаменитого стихотворения воплотились вольнолюбивые устремления лучших людей Европы начала XIX столетия.

Могучий источник силы и красоты, открытый Бёрнсом, питал и другого великого шотландца — Вальтера Скотта (1771—1832) — автора замечательных исторических романов. Великий летописец прошлого остро чувствовал поэзию народной жизни. На протяжении всей своей творческой деятельности он тщательно собирал и издавал произведения шотландского фольклора. Они подсказали ему сюжеты его собственных поэм и баллад.

Красота народной жизни вдохновляла не только Скотта, но и гораздо более консерватив-

ного, чем он, поэт — Вильяма Вордсворта (1770—1850). Даже этот поэт, в годы реакции изменивший своим былым революционным идеалам, инстинктивно тянулся к народу. Безыскусственность народного быта, составлявшая резкий контраст с чопорной и чинной жизнью привилегированных классов общества, пленяла Вордсворта. Он населил мир своей лирики образами терпеливых и скромных тружеников и картинами сельской природы, простыми и незатейливыми, как сама народная жизнь.

И если поэзия Вордсворта обрела право на бессмертие, то это случилось только потому, что в его стихотворения проникли отзвуки тех бесхитростных мелодий, которые раздавались на полях Англии и в бедных жилищах ее крестьян.

Иным путем, чем Вордсворт, шли величайшие поэты Англии — Байрон и Шелли. Они видели в народе не покорного и кроткого страдальца,

а грозную революционную силу. Прямые наследники французской революции, они неустанно призывали народные массы к борьбе и мятежу. Протестом против тирании, могучим пафосом свободолюбия была пронизана гордая и мужественная поэзия Джорджа Байрона (1788—1824). Он не выносил барски-снисходительного отношения к людям труда. Поэтому, когда некая герцогиня объявила бездарного поэта, по ремеслу сапожника, вторым Бёрнсом, Байрон ядовито высмеял и его самого и его высокую покровительницу. Беспощадно обличая прихлебателей барского стола, Байрон воспевал мятежников и борцов, бросающих вызов миру рабства и деспотизма. Герои его стихотворений и поэм — одинокие бунтари, сумрачные скитальцы — вступают в единоборство со всем миром и предпочитают смерть рабству и унижению. На страницах его произведений встают образы «мучеников свободы», отдавших жизнь великому делу освобож-

дения человечества. Одним из этих героических борцов против реакции и деспотизма был узник Шильовского замка Бонивар, чья трагическая судьба поразила поэта во время его пребывания в Швейцарии. Сам Байрон был сродни своим мятежным героям. Как и они, он прочно связал судьбу с освободительным движением европейских народов. Его жизнь оборвалась в тот самый момент, когда, примкнув к восстанию греческих патриотов, он готовился возглавить их борьбу против иноземного ига.

Борцом за свободу и народные права был и другой великий поэт Англии — Перси Шелли (1792—1822).

В отличие от своего современника Байрона, часто попадавшего во власть мрачных и скорбных настроений, Шелли был полон веры в неизбежность победы добра над злом. Сквозь века тирании и рабства он провидел светлое будущее освобожденного человечества. Его поэзия,

звавшая к революционной борьбе, в то же время утверждала красоту жизни и человека, красоту гармонической безмятежной природы, картины которой он запечатлел во многих своих произведениях.

Открытые враги буржуазного общества, Байрон и Шелли неоднократно подвергались его беспощадным гонениям. Грязной клеветой была запятнана жизнь величайшего английского поэта Байрона. Воспользовавшись семейной трагедией поэта, его бракоразводным процессом, лицемерная светская чернь довела Байрона до разрыва с родиной.

Не пощадила она и Шелли. Ханжеское буржуазное правосудие лишило его права воспитывать собственных детей.

Отвергнутые буржуазной Англией, оба поэта вели жизнь изгнанников, и их свободолюбивая поэзия нашла признание лишь за пределами их родной страны.

Трагичной была и судьба их современника Джона Китса (1795—1821). Поэт, влюбленный в красоту, он не находил ее в жизни окружавшего его общества. В поисках своего эстетического идеала он обращался к мифам Греции и легендам Возрождения (XIV—XVI вв.) — одного из самых ярких и красочных периодов человеческой истории. Мало интересуясь политикой, Китс не принимал участия в столкновениях и распрях своих современников. Но дух стихийного бунтарства жил и в его поэзии. Преисполненный презрения ко всем сокровищам буржуазного мира, он, как мальчик-бродяга, герой своего известного стихотворения, скитался по дорогам жизни, тщетно пытаясь найти в буржуазной Англии приют поэзии и красоты.

Мстительное общество не прощало поэту его презрения к установленным святыням. Реакционная пресса подвергала Китса систематической травле, и это ускорило его раннюю смерть.

Так, ценою жертв, борьбы и страданий, лучшие поэты Англии взрастили «дерево свободы» — вольнолюбивую лирическую поэзию начала XIX века. Под сень этого дерева и сейчас приходят все те, кому дороги свобода и человечность.

А. Ромм

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

Три лесных стрелка	3
Воды Клайда	12
Белый голубь принцессы	18
Буль-буль-буль...	24

РОБЕРТ БЁРНС

Крестьянский парень	26
Логан Брас	29
Жалоба шотландской вдовы	34

Любовь — как роза красная...	34
Пегги Монтгомери	36
Эпитафия	37
Теленок	40

ВИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ

Люси Грей	42
Написанное в марте	46
Одинокая жница	48

ВАЛЬТЕР СКОТТ

Торжество Брюса	50
Аллен Э-Дейл	53

ДЖОРДЖ БАЙРОН

Сонет к Шильонскому замку	55
Стансы	57
Не бродить мне ночью с нею	58

Ты плачешь	59
Эпитафия Джозефа Блекета, покойного по- эта и сапожника	61
Прощание с Мальтой	63

ПЕРСИ ШЕЛЛИ

Ода, написанная в 1819 году, перед тем как испанцы вернули себе свободу	66
Англичанам	69
Вечер	70

ДЖОН КИТС

Песня о себе самом	72
Строки из письма	77

ТОМАС МУР

Певец-мальчишка	80
---------------------------	----

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Чарли мой любимый	82
Гренландские китобои	84
Я ветреной девчонкой была	86
Русалка	87
Серебряный парус	89
Море	91
Корзинка яиц	93
Холодная роса	95
Н о т ы	97
Д е р е в о С в о б о д ы	107

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги Детгиза.

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

„Дерево Свободы“

Ответственный редактор *Г. В. Антонова.*

Художник-редактор *Ю. Н. Киселев.*

Технический редактор *Н. М. Сусленникова.*

Корректоры

Л. К. Маляво и А. К. Петрова.

Подписано к набору 16/I 1962 г. Подписано

к печати 10/V 1962 г. Формат 84 × 108^{1/61}.

Печ. л. 2. Усл. п. л. 3,36. Уч.-изд. л. 2,43.

Тираж 35 000 экз. ТП-1962 № 593. Цена 32 коп.

Заказ № 551.

Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, наб. Кутузова, 6.

2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР. Ленинград,

2-я Советская, 7.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ В ИЗДАНИЯХ ДЕТГИЗА

**Байрон Джордж Гордон
ИЗБРАННОЕ**

Пер. и коммент. Ю. Кондратьева
М., 1960. 327 стр.

БАЛЛАДЫ О РОБИН ГУДЕ

Пер. с англ. И. Ивановского
Л., 1959. 95 стр.

**Беранже Пьер Жан
ИЗБРАННЫЕ ПЕСНИ**

М., 1957. 126 стр.

**Гейне Генрих
СТИХИ**

М., 1956. 255 стр.

**Гюго Виктор
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПУБЛИЦИСТИКА**

Пер. с франц. под ред. А. А. Смирнова
Л., 1954. 176 стр.

ЛИРА И ПАЛАШ

Стихи венгерских поэтов-классиков
Стихи в пер. М. Исаковского и др.
М., 1959. 143 стр.

Лонгфелло Генри Уодсуорт ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ

Пер. с англ. И. Бунина
М., 1956. 192 стр.

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

Вольное стихотворное переложение С. Боброва
М., 1958. 119 стр.

Потье Эжен ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Пер. с франц.
М., 1955. 176 стр.

Тувим Юлиан ВЕСНЫ И ОСЕНИ

Стихи. Пер. с польск. Д. Самойлова
М., 1959. 127 стр.

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

11713162

Д е р е в о с о б о д н ы

Д е р е в о с о б о д н ы

